терпального благополучия, становится здесь очевидной, а трагическая кончина героя приобретает, как видим, характер справедливого воздаяния этой душе за то, что она хотела «есть, пить и веселиться», собирая «сокровища для себя» и вовсе забыв о боге. Таким образом, важнейший момент повествования (распря по наследству, убийство Федора Павловича Карамазова), поставленный в связь с евангельской притчей, толкуется автором в полном согласии с нею.

Заметим здесь же, что Митя, который стремится отобрать у Федора Павловича наследство, не менее безумен, чем отец, который это наследство удерживает. До тех пор, пока Митя думает об этом, он с роковой неизбежностью движется к «катастрофе». Не разрешение распри и примирение, а усиление ненависти и «трагедию» готовит его дошедшее до мании упорство в желании получить от отца хотя бы три тысячи. Безумие этого желания подчеркивается в романе многократно. Московский доктор, говоря о «ненормальности» Мити, «особенно усматривал... манию в том, что подсудимый даже не может и говорить о тех трех тысячах рублей, в которых считает себя обманутым, без какого-то необычайного раздражения, тогда как обо всех других неудачах и обидах своих говорит и вспоминает довольно легко. Наконец, по справкам, он точно так же и прежде, всякий раз, когда касалось этих трех тысяч, приходил в какое-то почти исступление, а между тем свидетельствуют о нем, что он бескорыстен и нестяжателен» (10, 208—209). Призванный в качестве свидетеля, Алеша тоже «сознался, что эти три тысячи обратились в уме Мити в какую-то почти манию, что он считал их за недоданное ему, обманом отца, наследство, и что, будучи вовсе некорыстолюбивым, даже не мог заговорить об этих трех тысячах без исступления и бешенства» (10, 212—213). Впоследствии к этому неоднократно возвращается прокурор: «Нет, именно так должен был поступить убийца исступленный, уже плохо рассуждающий, убийца не вор..., а как свою же вещь у вора укравшего унесший — ибо таковы именно были идеи Дмитрия Карамазова об этих трех тысячах, дошедшие в нем до мании» (10, 262). Вместе с тем вопрос о том, действительно ли Федор Павлович был должен сыну, так и остается открытым: «Все утверждали факт, и никто не мог представить хоть сколько-нибудь ясного доказательства» (10, 197).

Если учесть тот ряд идей романа, который составляет суть «катастрофы», начавшейся с распри из-за дележа наследства, то становится ясным, что эту распрю и этот дележ следует понимать в самом широком значении. Речь идет здесь о материальных, земных благах, о «хлебе», в том смысле, который это слово имеет в устах Великого инквизитора, героя Ивановой поэмы. Безумный отец, за которым стоят многие «из современных отцов» (10, 238), стремится этот «хлеб» удержать и в свою пользу приумножить. Безумный сын, за которым стоит молодая, «непосредственная» Россия, стремится его отобрать. Движимые эгоистическими побуждениями, забывшие о нравственном долге по отношению друг к другу, они неуклонно приближаются к «трагедии», тогда как отцу следует помириться и поделиться с сыном; сыну — лишь просить, но не требовать и не угрожать расправой.

Число «три» (ибо именно три тысячи, не больше, не меньше, «маниакально» утверждаются в уме Мити и доводят его до исступления и бешенства) здесь, по-видимому, есть только указание на символическое значение этих тысяч. Оно приблизительно заменяет слово «вообще» — вообще какое-то наследство. Оно является эквивалентом любого числа, и само по себе ничего не означает: настолько откровенна его условность. Важно наследство само по себе, т. е. материальная сторона дела, служа-